

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

О. И. ХОРУЖЕНКО

РОДОСЛОВНЫЕ РОСПИСИ В ИЗУЧЕНИИ РОДОВОЙ ПАМЯТИ

В статье исследуется понимание родовой памяти в работах отечественных генеалогов конца XIX – начала XXI в., способы выявления ими в родословных росписях сведений, восходящих к устной традиции.

Ключевые слова: *родовая память, родословные росписи, текстология, генеалогия.*

Родословные росписи XVI–XVII вв. представляют собой, как правило, краткие сведения о происхождении того или иного дворянского рода (родословная легенда) и перечисление лиц, принадлежащих к этому роду (собственно роспись рода). Как сами родословные росписи, так и сборники, в которые они объединены (родословные книги), давно стали объектом текстологического изучения¹, позволяющего реконструировать историю текста, объяснить те или иные разночтения в сопоставляемых источниках. Для актуальных исследовательских практик, направленных на изучение родовой памяти, из всех возможных факторов, приводящих к изменению текста, интерес представляют преимущественно мнемонические свойства автора. Возникает вопрос: не выступает ли здесь объяснение изменений текста провалами или озарениями в памяти автора «легкой» альтернативой текстологии?

Для историков особый интерес представляет ретроспективная информация родословных росписей – сведения о событиях до XVI в. В условиях определенного дефицита средневековых письменных источников ее ценность вполне очевидна. Часто в исследованиях, не связанных с источниковедением родословных росписей, содержащаяся в них ретроспективная информация воспринимается некритично, с полным доверием; ее уникальность как будто уводит на второй план вопрос о достоверности. Достоверность же родословных росписей в тех редких работах, в которых она исследуется специально, получает различные оценки: от вполне положительных² до крайне скептических³. Вряд ли правомерен тезис о принципиальных различиях между родословными росписями

¹ Лихачев 1888; 1897; 1901; Бычкова 1975.

² Копанев 1951. С. 24–32.

³ Савелов 1908. С. 34–35, 129–134; Веселовский 1969. С. 17–20; Каменский 1993. С. 169; Беспалов 2011.

XVI в., которым якобы присуща высокая достоверность, и росписями XVII–XVIII вв., содержащими мифические подробности⁴. Очевидно, что единой, общей оценки достоверности родословных росписей, как и иных разновидностей исторических источников, быть не может⁵.

В первую очередь родословные росписи использовались для потребностей генеалогии в ее практической ипостаси: они служили главным источником для составления генеалогических справочников. Как отмечала М.Е. Бычкова, «при составлении родословных таблиц и для выявления необходимых биографических сведений большинство... исследователей брало отдельные, часто случайные списки, не стремясь установить связь между ними, определить историю их создания, источники, достоверность их известий»⁶. С развитием источниковедения генеалогическая методика совершенствовалась: для составления «научной родословной» привлекались дополнительные списки родословных росписей, иные источники, позволяющие проверить и дополнить данные родословных росписей⁷, а иногда и значительно их переработать, предложив новую по сравнению с росписью версию родства тех или иных лиц⁸. Но в целом родословные росписи для генеалогии имеют утилитарное значение, более того, как отметили Н.А. Соболева и А.И. Аксенов, «генеалогия окончательно отрывается от источниковедческих проблем, приобретая право самостоятельного исторического построения». Авторы видят в этом положительную тенденцию, базирующуюся на «учении об информативности источника». Тем самым генеалогия и иные вспомогательные исторические дисциплины превращаются, по их мнению, «из “знания” в научные дисциплины»⁹.

Продуктивность текстологического подхода к изучению родословных книг и росписей показали исследования Н.П. Лихачева¹⁰: «в них впервые был разработан метод сравнительного изучения списков, определена и изучена самостоятельная редакция родословных книг, и намечены основные этапы истории их создания»¹¹. Продолжила текстологическое изучение родословных книг и росписей М.Е. Бычкова. На основе изучения 131 списка родословных книг, состава и последовательности

⁴ Бычкова 1975. С. 136.

⁵ Каиштанов 1988. С. 223.

⁶ Бычкова 1975. С. 5.

⁷ Веселовский 1969.

⁸ Кузьмин 2002. С. 19; 2004. С. 119–120; Пудалов 2004.

⁹ Соболева, Аксенов 1993. С. 231.

¹⁰ Лихачев 1888; 1897; 1901.

¹¹ Бычкова 1975. С. 8.

включенных в них родословных росписей она предложила целостную картину бытования этих источников, определила основные редакции и изводы, предложила методику их датировки¹².

Текстологический подход к изучению родословий развивался параллельно с текстологией летописей, литературных произведений. Представления о надлежащих исследовательских процедурах текстологии наиболее полно обобщены в работах Д.С. Лихачева; О.В. Творогов предложил пошагово детализированную последовательность текстологических исследований¹³. В их работах постулирована необходимость исследования соотношения конкретных списков произведений (но не изводов или редакций)¹⁴. Предметом текстологического исследования Д.С. Лихачев считал историю текста памятника, куда «входит его литературная история и внелитературная, творческая история памятника и все те нетворческие моменты, которые привели к изменению текста (случайные утраты и искажения, изменения под давлением цензуры, требований политических организаций, гонимых соображений и пр.)¹⁵. Предлагаемый Д.С. Лихачевым список причин изменений текста, очевидно, не окончателен и может быть расширен, как и круг вопросов, которые исследователь вправе обращать к источнику.

Одним из таких вопросов в последнее время стал вопрос о родовой (родословной) памяти и возможностях родословных книг для ее исследования¹⁶. Проблематика социальной или исторической памяти, истории как памяти, стала в конце XX в. знаковой не только для исторической науки: «проблематика памяти выдвинулась на передовые позиции в общественном сознании и захватила разные области социогуманитарного знания»¹⁷. Соотношение понятий историческое знание, историческая наука, историческая память сложное и неоднозначное. Как правило, его понимание зависит от позиции того или иного автора в отношении проблемы взаимовлияния (противопоставления) историографии и знаний о прошлом традиционных сообществ (так «историческая память» изначально понималась П. Нора), либо историографии и массового сознания.

¹² Бычкова 1961; 1963; 1968; 1975.

¹³ Творогов 2009. С. 160–174.

¹⁴ Лихачев 2006. С. 35; Творогов 2009. С. 160–171. Здесь уместно процитировать вполне справедливое суждение М.Е. Бычковой о методе исследования С.Б. Веселовского: «В работах С.Б. Веселовского часто приводится конкретный анализ различных редакций родословных росписей боярских и княжеских родов, правда без сопоставления родословных книг, которые их содержат» (Бычкова 1975. С. 9).

¹⁵ Лихачев 2006. С. 10.

¹⁶ Кузьмин 2001; 2006; Хоруженко 2012; 2014.

¹⁷ Репина 2007. С. 7.

Понятие *родовая память* выступает как частное по отношению к основному концепту *memory studies* – исторической памяти: это память представителей того или иного рода о прошлом этого рода. В качестве гипотезы существование коллективной памяти о прошлом у представителей той или иной родовой корпорации не должно вызывать возражений. Однако представления исследователей о формах ее фиксации в источниках, способах ее познания, а в первую очередь об объеме самого понятия *родовая, родословная память* заметно разнятся¹⁸. В ряде случаев эта неопределенность заставляет поставить вопрос о самой предметности таких исследований.

В первую очередь следует, очевидно, различать *родословную память* и *родовую память*. Первая – наименование документа, наряду с наказными, местническими и отказными и т.п. *памятями*, аналог позднейшей промемории¹⁹. Далее, как представляется, было бы продуктивным различать индивидуальную память о прошлом своего рода (как частного проявления свойства индивидуального сознания сохранять и воспроизводить информацию) от собственно родовой памяти.

Н.П. Лихачев, заложивший основы текстологического подхода к изучению родословных росписей, не был склонен объяснять свойствами индивидуальной памяти составителя текстологические расхождения в родословных росписях. Исключение он сделал лишь однажды, причем для своего собственного рода: «Неродословность фамилии [Лихачевых – О. Х.] в XVI веке была причиной, что роспись пришлось составлять на память, поэтому в ней найдутся значительные пропуски в угасших ветвях... Составители росписи показали удивительную память родственных связей»²⁰. Допущение Н.П. Лихачева о составлении родословной росписи по *памяти*, т.е. без обращения к иным письменным источникам, – крайне редкое для его работ.

В исследованиях С.Б. Веселовского *память*, в первую очередь, относится к психическим функциям человека; это способность сохранять, накапливать и воспроизводить информацию, в данном случае – информацию о происхождении рода. *Память* (а в работах С.Б. Веселовского это, прежде всего, индивидуальная память составителя собственного

¹⁸ В этом смысле показательны как название, так и содержание сборника 2001 г. «Генеалогия как форма исторической памяти».

¹⁹ Лихачев 1888. С. 373, 376, 414; Шмидт 1973. С. 97; ср.: Кузьмин 2001. Вряд ли можно признать удачным наименование *родовой памятью* списка имен родственных, поданный для их поминания в церковь (Рыков 1995); встречающееся в источниках самоназвание *родопомынный список* более адекватно.

²⁰ Лихачев 1888. С. 144.

родословия) «хранит, но подводит», воспоминания могут становиться «смутными» («сбивчивыми», «спутанными»), либо исчезать до полного «беспамятства» («забвения») ²¹. Как это и свойственно *памяти*-психофункции, в ряде случаев она характеризуется частичным или полным забыванием, по всей вероятности – и парамнезией ²².

В работах М.Е. Бычковой *память* также фигурирует как психическая функция и относится к личности автора родословной росписи, причем этот автор, как и у С.Б. Веселовского, а *ргіогі* принадлежит к тому самому роду, роспись которого он составил. Его памяти свойственна некоторая избирательность: «естественно, что запоминались лишь лица, оставившие потомство, дожившее до XVI в. и которое к тому же служило при великокняжеском дворе». Поскольку «самые подробные сведения содержатся в памяти о его [автора – О. Х.] непосредственных предках – отце, дяде и братьях, а биографические записи есть только о лицах двух последних поколений; все это может говорить <о том>, что в основе росписи лежит человеческая память» ²³.

Способ выявления индивидуальной памяти, продемонстрированный М.Е. Бычковой на примере родословной росписи дьяка Троице-Сергиева монастыря Вороны ²⁴, не представляется достаточно убедительным. По ее наблюдениям, «показания Вороны о родстве членов его рода нигде не расходятся с показаниями актов... к которым, кстати, Ворона как монастырский дьяк имел доступ». Казалось бы, это не дает оснований исключить акты Троице-Сергиева монастыря из числа источников родословной росписи Вороны, более того – заставляет признать их основным ее источником и оставить за индивидуальной памятью, в лучшем случае, лишь второстепенную роль. Но вывод, к которому пришла исследовательница, обратен ожидаемому: «сравнение росписи дьяка Вороны с актами приводит к выводу, что в основе ее лежали не документы, а знания человека об истории своей семьи».

Для родословной росписи Вороны можно было бы предложить иные основания для признания ее проявлением *памяти*. За дьяком Вороной, как и за любым человеком прошлого или настоящего, следует признать наличие *индивидуальной памяти* о ближайших к нему представителях рода. Такая ограниченность продиктована общедемографиче-

²¹ Веселовский 1969. С. 16, 17, 267, 287, 290, 360.

²² Наиболее яркий и известный пример этого – показания князя Т.В. Кропоткина, потомка смоленских князей, о своем происхождении от касимовского татарина (Лихачев 1897. С. 12).

²³ Бычкова 1975. С. 126–127.

²⁴ Там же. С. 128–129.

ской (генеалогической) закономерностью и продолжительностью человеческой жизни – три поколения на 100 лет. Человек помнит своего отца, может помнить деда, иногда – прадеда. Опираясь построением именной формулы, он может назвать последовательно имена своих предков в трех-четырёх поколениях. Именно на четыре поколения и распространилось родословие Вороны. Более древнее прошлое рода становится доступным при обращении к неким (письменным или устным) источникам, которые дополняют или формируют родовую память.

Согласно А.В. Кузьмину, служилых людей XVI века и потомков князей, утративших титул, отличала такая *память*, которая обладала свойствами «хранить былые воспоминания», либо «отказывать». Здесь память понимается автором, вероятно, как признак индивидуального человеческого сознания²⁵.

Бытование сведений родословных росписей в произведениях князя А.М. Курбского было исследовано К.Ю. Ерусалимским, поставившим их в контекст *исторической памяти* этого деятеля²⁶. Вопрос об исторической памяти индивида, вероятно, правомерен при допущении, что данный индивид знаком с устной традицией, обладает познаниями, восходящими к ней. В противном случае мы имеем дело с признанием тождественности индивидуальной исторической памяти и индивидуальных исторических познаний (либо памяти индивида о тех или иных исторических событиях, свидетелем которых он был). Очевидно, что такая тождественность не может быть принята без существенных оговорок. Насколько можно понять, под *исторической памятью* Курбского автор понимает собственно индивидуальные исторические познания князя и его индивидуальную память о содержании ряда упоминаемых им текстов: летописей, родословцев, сочинений современников. Эти наблюдения сами по себе весьма ценны, но необходимо учесть, что «сосредоточивая внимание на индивидуальной или на коллективной памяти, мы на самом деле исследуем два различных предмета»²⁷.

Исследователь апеллирует к памяти Курбского в тех случаях, когда источник его сведений остается неясным. По мнению К.Ю. Ерусалимского, «недостатками памяти автора» можно объяснить сведения о происхождении тверских великих князей от князя Андрея Суздальского. Этот пример требует оговорки: сочинитель в этом вопросе пересказывал по памяти («от него же, памятаться, и великие княжата тверские изыдо-

²⁵ Кузьмин 1998. С. 141–143; 2013. С. 248.

²⁶ Ерусалимский 2005.

²⁷ Хальбвасс 2005.

ша») некую «летописную книгу рускую»²⁸, т.е. письменный источник. При повествовании о происхождении своих родственников по материнской линии Курбский, по мнению Ерусалимского, опирался «не на письменные родословцы, а скорее всего, на личные представления о значении рода и на родовую память». Речь идет о версии происхождения Морозовых, не встречающейся в известных родословцах. В изложении Курбского, Морозовы «вышли от Немец вкупе с Рюриком, прародителем русских княжат, семь мужей храбрых и благородных. Тои-то был Мисса Морозов»²⁹. В родословцах Миша Прушанин также «приехал из Немец», но не во времена Рюрика, а позднее – к Александру Невскому – и был с ним «на Неве во шти мужех храбрых». Как видно, расхождения с родословцами у Курбского невелики, и вызваны ли они желанием удревнить историю Морозовых или неточностью при цитировании по памяти – они не позволяют исключить книжную основу его сведений.

Тексты Курбского предоставляют довольно широкие возможности для суждений о том, какие сведения из родословцев, иных письменных источников князь-беглец сохранял в своей памяти: «Сих, еликих памятью могл обяти, написах о княжецких родех»; «о великих же панов родех, а по их о боярских, аще ми елико Господь памяти подаст, покушусь написати» и т.д. Однако такие наблюдения могут в большей степени характеризовать *индивидуальную память* Курбского, чем индивидуальные проявления *исторической, социальной или родовой памяти*.

Формы собственно *родовой памяти*, присущие представителям той или иной родовой корпорации и относящиеся к ее истории – родовые предания (легенды). Следует предположить, что они по-разному могут соотноситься с книжной традицией. Существовавшие как устный источник, родовые предания могли фиксироваться в письменных источниках, но могли к ним и восходить. В последнем случае письменный источник (его автором может быть и посторонний для рода исполнитель) конструирует родовую память следующих поколений.

Н.П. Лихачев, судя по всему, относил родовые предания к устной традиции, зафиксированной *post factum*: «В исходе XVII столетия нашлись люди, которые помогли наиболее рискованному семейным преданиям облечься в определенные формы. Самым пышным цветком в этом направлении было генеалогическое сочинение о происхождении Корсаковых от Юпитера»³⁰. Тезис о бытовании в дворянской среде устных

²⁸ Князя А.М. Курбского история. 1913. Стб. 121.

²⁹ Там же. Стб. 143.

³⁰ Лихачев 1897. С. 61.

семейных преданий в качестве допущения принять можно, но «Генеалогия» Корсаковых определенно не является примером их письменной фиксации. Ее сочинитель, подчеркивая «научный» характер своего трактата, открывает свое повествование «Сочислением творцов по алфавиту, от них же собрана книга сия», т.е. тех авторитетных авторов, на работы которых он опирался при возведении родословия Корсаковых к Юпитеру³¹. Никаких устных источников «Генеалогии» Римских-Корсаковых, потомков полоцких бояр³², в ее тексте не обнаруживается. Более ранние источники также не фиксируют претензии рода Корсаковых на божественное происхождение. «Генеалогия» была написана в конце 1670-х – начале 1680-х гг. для обоснования претензий Корсаковых на двойную фамилию Римские-Корсаковы³³.

В исследованиях С.Б. Веселовского родовая память – набор передаваемых в устной форме из поколения в поколение сведений о прошлом дворянского рода. Согласно Веселовскому, объем их небольшой – это «имя родоначальника, действительного или вымышленного, и два три факта, традиционно связываемые с каким-либо крупным общеизвестным историческим лицом или событием»; они «передаются от отца к сыну», переходят «из уст в уста»³⁴, и именно процесс передачи этих сведений от старшего поколения к младшему приводит к их деформации. Искажения включают «хронологическое смешение фактов, контаминацию фактов разного времени, деформацию представлений об отдаленном прошлом и т.п.»³⁵.

Предлагаемые С.Б. Веселовским основания для констатации родовой памяти явно недостаточны. Они сводятся к соответствию (и в этом случае память должна быть охарактеризована как крепкая), либо несоответствию (тогда память «подводит») сведений родословных росписей сведениям иных источников. Сопоставление данных ряда источников – обязательная исследовательская процедура в классическом источниковедении, задачей которой выступает проверка достоверности («критика») исторического источника, в данном случае – родословной росписи. Вывод о недостоверности исторического источника влечет за собой изучение в первую очередь осознанных, целенаправленных мотивов его автора³⁶. В историографии достаточно примеров продуктивности такого

³¹ *Римский-Корсаков* 1994. С. 24–26, 205–245.

³² *Хорошкевич* 1972.

³³ *Римский-Корсаков* 1994. С. 14.

³⁴ *Веселовский* 1969. С. 41.

³⁵ Там же. С. 264.

³⁶ *Усманов* 1991. С. 5.

подхода. Объяснять же недостоверность источника свойствами памяти автора, не попытавшись изучить его цели, информированность, идейные установки, – значит упрощать и обеднять исследовательскую работу источниковеда. Из этого же исходит и текстология: «Ошибкой изменение текста признается только тогда, когда нет никаких веских оснований признать это изменение намеренной правкой одного из творцов текста», «когда исчерпаны все возможности объяснить изменение в тексте сознательными, целенаправленными намерениями автора, редактора или переписчика»³⁷. Апелляция к ошибкам родовой или индивидуальной памяти заменяет исследователю источниковедческий анализ источника³⁸.

Апелляция к свойствам памяти предполагаемого автора как способ внеисточниковедческого и внетекстологического объяснения расхождений между показаниями родословных росписей и иных источников широко применяется также А.В. Кузьминым. Исследователь осознает, что разночтения могут объясняться небрежностью переписчика, дефектом протографа³⁹, но возможности текстологического объяснения таких расхождений его, как будто, не увлекают. Расхождения в источниках, появление или исчезновение уникальных сведений и т.д. объясняются свойствами индивидуальной или коллективной памяти. Когда наблюдаются расхождения, это должно свидетельствовать о том, что «память авторам росписи явно изменила». Последующее приведение переписчиками или редакторами данных родословной росписи в соответствие с данными других источников, в т.ч. с предлагаемой ими хронологией, называется А.В. Кузьминым «механизмом восстановления “памяти”». Автор явно понимает *историческую / родовую / фамильную память*, свойственную индивидуальному или коллективному сознанию, как существующую в устной традиции; исторические источники ее не формируют, а лишь фиксируют на том или ином этапе ее развития. Родословные росписи, в частности, являются «формой письменной фиксации коллективной и индивидуальной памяти людей эпохи Средневековья о предках»⁴⁰.

М.Е. Бычкова предложила различать *родовое предание* и *родословную легенду*. Под *родословной легендой* она понимает часть формуляра родословия: «Родословия состоят из двух самостоятельных частей: рассказ (иногда короткий, из двух-трех фраз) о происхождении предка, от

³⁷ Лихачев 2006. С. 39.

³⁸ «Не в этой ли сбивчивости семейных преданий лежит причина того, что поминание синодика пропустило Федора, а Бархатная книга поставила вместо него Юрия?» (Веселовский. 1969. С. 451).

³⁹ Кузьмин 2001. С. 75–77; 2013. С. 249, 479.

⁴⁰ Кузьмин 2013. С. 27, 31.

которого ведет начало семья – это родословная легенда; и перечень всех мужских потомков этого предка вплоть до того времени, когда составлялось родословие – это роспись рода». Содержательно родословная легенда – «повествование с элементами вымысла»⁴¹. Соответственно, равно допустимы предположения об устном или книжном происхождении легенды, либо комбинации в родословной легенде обоих компонентов.

Установление устной традиции, когда «легенда составлена по семейному преданию», демонстрирует исследование М.Е. Бычковой родословной росписи Нащокиных. Предположение исследовательницы о том, «что в ее основе лежит семейное предание», основано на двух обстоятельствах – «красочности рассказа» и отсутствии видимой связи текста родословной легенды с летописями⁴². Не вполне ясно, какая степень «красочности рассказа» должна свидетельствовать о связи легенды именно с устной традицией, семейным преданием, но из приведенной М.Е. Бычковой параллели ясно, что Нащокины, вопреки сомнениям автора, все-таки были вполне знакомы с летописным рассказом.

Воскресенская летопись

а Щелкан побеже на сени
князь же Александр зажже сени
и згоре Щелкан и с прочими татары

Родословная Нащокиных

Щолкан же утече... и заперся в сенех...
тверичи... сожгли сени
и Щелкан с людьми своими... сгорел.

В летописное известие Нащокины искусственно ввели фигуру своего предка, предложив одновременно наивную этимологию своего родового прозвания: «И Дмитрия Нащоку тут у сеней ранили по щеке, на великого князя дворе». Прозвище Дмитрия Нащоки, вероятно, было вполне мирным и само по себе не свидетельствовало о военных подвигах и боевых шрамах: нащока – «род накладного украшения на металлическом изделии»⁴³.

М.Е. Бычкова поставила перед собой задачу выявить связи родословных легенд с источниками различных видов: летописями, разрядами, писцовыми книгами, актами. Эти связи были ею продемонстрированы вполне убедительно. Что же касается устной традиции, то опознание ее по уникальным известиям, т.е. по тем подробностям, которые выступают в иных известных на сегодня письменных источниках «фигурами умолчания», не представляется пока достаточно продуктивным.

Проблема критериев выявления устных источников в летописании заинтересовала А.С. Щавелева. Он предложил ряд признаков бытования

⁴¹ Бычкова 1997. С. 3–4; Бычкова, Смирнов. 2004. С. 94.

⁴² Бычкова 1975. С. 142–143.

⁴³ Словарь. Вып. 10. С. 324.

того или иного известия летописей в устной традиции. Это, в первую очередь, прямые указания на обращения к фольклору и к свидетельствам очевидцев, затем – конкурирующие версии событий, малые виды фольклора (пословицы, поговорки, загадки), славянские лексемы в иноязычных текстах, мифологические имена (топонимы, артефакты), речи и диалоги, устные формулы⁴⁴. Оставляя в стороне вопрос о достаточности и бесспорности этих критериев для летописных источников⁴⁵, следует обозначить проблему выработки аналогичных критериев и для родословных росписей. Ранее мной было высказано предположение о наличии фольклорного пласта в родословной легенде о происхождении князей Волконских⁴⁶. Однако эта легенда была явно выработана вне рода; она скорее унижала Волконских, чем возвышала.

Н.А. Подгорбунских считает легенды о выезде родоначальников, присутствующие в родословных росписях, «следованием традициям народного творчества». Другое проявление устной (народной) традиции он видит в обычае имянаречения по первопредку. По родословной таблице Морозовых из монографии М.Е. Бычковой⁴⁷ автор подсчитал, что самым распространенным именем в этом роду было Михаил, как и у родоначальника – Михаила Прушанина⁴⁸. В вопросе о происхождении легенд о выездах Н.А. Подгорбунский расходится с мнением М.Е. Бычковой: она датировала их возникновение первой половиной XVI в. и убедительно связала с распространением (в книжной традиции) версии о происхождении родоначальника русских князей от Августа⁴⁹. Что же касается Морозовых, то их родословная легенда сложилась в 1540-е гг., достоверное родословие начинается с последней четверти XIV в.⁵⁰ Книжную основу родословной легенды Морозовых следует считать вполне доказанной – ее источниками выступили Житие Александра Невского и, возможно, протограф синодика новгородской Вознесенской церкви, построенной Мишиничами-Онцифоровичами⁵¹. В родословной росписи Морозовых по Летописной и Румянцевской редакциям за период с последней четверти XIV в. до 1540-х гг. встречаем такие имена

⁴⁴ *Шавелев* 2007. С. 89–104.

⁴⁵ Ср.: «Временами в... рассказах источника ощущается живая интонация очевидца, а то и участника происходившего... чувствуются непосредственные впечатления и ощущения видевших эти события людей» (*Котляр*. 2006. С. 103–104).

⁴⁶ *Хоруженко* 2012. С. 206.

⁴⁷ *Бычкова* 1975. С. 138.

⁴⁸ *Подгорбунских* 2000.

⁴⁹ *Бычкова* 1975. С. 135; 1997. С. 16–26.

⁵⁰ *Бычкова* 1975. С. 137.

⁵¹ *Янин* 1973. С. 70–72.

(Лет./Рум.): Иван (20/20), Василий (11/16), Михаил (9/11), Семен (9/7), Федор (9/6), Григорий (6/7), Дмитрий (4/4)⁵². Если некий культ имени предка и существовал, то выявить его по родовому ономастикону Морозовых затруднительно. Попробовав проследить декларируемую Подгорбунским закономерность в отношении Воронцовых, потомков Семена-Симана, отмечаем следующие имена в их родословной росписи в порядке убывания частоты: Иван (19/15), Василий (10/9), Федор (9/6), Семен (4/3), Дмитрий (3/3), Михаил (2/1), Григорий (1/1)⁵³. Совершенно ясно, что остроумная идея Н.А. Подгорбунских не верифицируема.

Не вполне ясно, что понимается под родовой памятью С.Ю. Шокаревым. Не давая определения понятия, автор отмечает, что родовая память – это «не одно и то же, что и знание собственной родословной». Вероятно, это действительно так, поскольку такого рода знание выступает как свойство индивидуальной памяти. Между тем, «свидетельством хорошо развитой родовой памяти» С.Ю. Шокарев считает «деятельность А.И. Полева по увековечению памяти о своих предках»⁵⁴. Речь идет о формировании А.И. Полевым в 1657–1658 гг. фальсифицированного родового некрополя, призванного подтвердить его претензии на мнимое происхождение от князя Федора Юрьевича Фоминского, никогда не существовавшего правнука Александра Невского. Здесь мы имеем дело с искусственным конструированием прошлого рода, проявлением организационных способностей А.И. Полева и его готовности идти на существенные материальные издержки ради легализации вновь сформулированного мифа. Но является ли это признаками родовой памяти, тем более «хорошо развитой»? Так или иначе, к 1686 г. эта память Полевым «изменила» и была «восстановлена» в новом варианте – их предком стал теперь Федор Юрьевич Смоленский, правнук Глеба Ростиславича.

* * *

Возвращаясь к вопросам, поставленным выше, следует в первую очередь констатировать наблюдаемую в историографии некоторую неуверенность в определении самого понятия *родовая память*. Исходя из того, что она очевидно является одним из проявлений коллективной памяти, известной осторожности требует включение в объем этого понятия свойств и проявлений индивидуальной памяти.

Та же неопределенность усматривается и в понимании субъектности *родовой памяти*. Родословные росписи и родословные книги отно-

⁵² Новые родословные книги. С. 59–63, 120–123.

⁵³ Там же. С. 65–66, 135–136.

⁵⁴ Шокарев 2001. С. 22.

сят к делопроизводственным источникам⁵⁵. Идея Н.П. Лихачева о существовании частных редакций родословных книг к настоящему времени значительно скорректирована: хотя большинство сохранившихся до наших дней списков родословных книг и можно считать частными, все они восходят к протографам официального происхождения⁵⁶. С другой стороны, родословные росписи, сведенные в официальные родословные книги, изначально подавались, вероятно, представителями соответствующих родов. Здесь исследователь сталкивается с отмеченной Д.С. Лихачевым спецификой проблемы авторства для текстов средневековья: «в литературе древней и средневековой функции создателя текста часто распространяются и на переписчика-редактора»⁵⁷. Таким образом, вопрос об авторе – предполагаемом обладателе *родовой* (и очевидном – *индивидуальной*) памяти и ее трансляторе – может быть убедительно решен лишь при корректной реконструкции истории текста и определении конкретной роли составителя протографа рукописи, ее редактора, переписчика, заказчика/владельца списка⁵⁸.

Исследовательские процедуры, позволяющие опознать проявления *родовой памяти* в исторических источниках, к настоящему времени нельзя считать выработанными. Исходя из сущностных особенностей исторической памяти вообще, следует ожидать достаточно убедительных признаков бытования тех или иных сведений, представлений о прошлом рода в устной традиции. Предлагаемые на сегодня в историографии в качестве таковых признаков «уникальность сведений» (кажущаяся объективность этого критерия может быть разрушена неизвестными нам на сегодня источниками), «красочность повествования», «чувство ощущения» и т.п. таковыми признать трудно.

Вероятно, интерпретация родословных росписей на основании выверенных текстологических процедур вполне допускает исследование проблемы родовой памяти. Как и любой иной исторический источник, родословная роспись представляет собой реализованный продукт психической жизни ее создателя, в лице которого допустимо предположить носителя, в частности, и родовой памяти. Однако в представленных на сегодня исследованиях родословных росписей их интерпретация не просто не следует за текстологическим анализом, но часто подменяет его.

⁵⁵ Шмидт 1973. С. 103; Бычкова 1975. С. 5, 15–17.

⁵⁶ Бычкова 1975. С. 16.

⁵⁷ Лихачев 2006. С. 14; ср.: Гришунин 1998. С. 65.

⁵⁸ «Все редакции [родословных книг – О. Х.] представляют продукт деятельности определенной социальной группы лиц и даже единой правительственной канцелярии» (Бычкова 1974. С. 14).

Наблюдается обратная корреляция между текстологическими объяснениями особенностей текста и апелляцией к памяти – индивидуальной (непосредственного составителя) или родовой. Как исследовательский инструмент понятие родовой памяти часто допускает известный произвол: она может либо сохранить некий факт прошлого или представление о нем, либо утратить – таково свойство памяти. С другой стороны, прямое или опосредованное влияние родословных росписей на формирование родовой памяти (и, шире – на историческую память, массовое сознание) в следующих поколениях отрицать, по всей видимости, не приходится, что, впрочем, выводит нас на иную проблему – бытования этих источников.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беспалов Р.А.* «Новое потомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI–XVII веков (к постановке проблемы) // Проблемы славяноведения: сб. науч. ст. и материалов. Брянск, 2011. Вып. 13. С. 63–97.
- Бычкова М.Е.* Легенды московских бояр. М., 1997. 51 с.
- Бычкова М.Е.* Обзор родословных книг XVI–XVII вв. // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968. С. 254–275.
- Бычкова М.Е.* Редакция родословных книг второй половины XVI века // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 126–133.
- Бычкова М.Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. 215 с.
- Бычкова М.Е.* Родословные книги середины XVI века // Труды МГИАИ. М., 1961. Т. 16. С. 475–480.
- Бычкова М.Е., Смирнов М.И.* Генеалогия в России: история и перспективы. М., 2004. 280 с.
- Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. 583 с.
- Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто: материалы конф. Москва, 11–13 апр. 2001 г. М., 2001. [Вып. XIII]: Восточная Европа в древности и средневековье. С. 104–122.
- Гришунин А.Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998. 416 с.
- Ерусалимский К.* Историческая память и социальное самосознание князя Андрея Курбского // Соцум: альманах соціальної історії. Київ, 2005. Вып. 5. С. 225–248.
- Каменский А.Б.* Новые данные о судьбе родословных росписей конца XVII в. // Генеалогические исследования: сб. науч. тр. М., 1993. С. 168–179.
- Каиштанов С.М.* Русская дипломатика: учеб. пособие. М., 1988. 231 с.
- Князя А.М. Курбского история о великом князе Московском: (извлечено из «Сочинений князя Курбского»). СПб., 1913. 8 с., 194 стб.
- Копанев А.И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.-Л., 1951. 255 с.
- Котляр Н.Ф.* Устные источники Галицко-Волынской летописи // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2006. Т. 57. С. 103–111.
- Кузьмин А.В.* К истории московского боярства конца XIV – начала XVI в.: самосознание и «память» // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: тез. докл. и сообщ. науч. конф. / отв. ред. О.М. Медушевская. М., 1998. С. 141–143.

- Кузьмин А.В.* Князя Можайска и судьба их владений в XIII–XIV в. Из истории смоленской земли // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 4 (18). С. 107–122.
- Кузьмин А.В.* Крещеные татары на службе в Москве: к истории Телебугиных и Мячковых в XIV – первой половине XV века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 3 (9). С. 5–23.
- Кузьмин А.В.* Происхождение и эволюция родовой памяти старомосковской боярской фамилии Серкизовых и Старковых по данным родословных книг XVI–XVII вв. // Памяти [М. П.] Лукичева: сб. ст. по истории и источниковедению / ред.-сост. Ю.М. Эскин. М., 2006. С. 752–764.
- Кузьмин А.В.* Титулованная и нетитулованная знать Северо-Восточной Руси XIII – первой четверти XV века: дис... канд. ист. наук. М., 2013.
- Кузьмин А.В.* Эволюция родословной «памяти» боярства Твери: (род Борисовых-Бороздиных) // Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы / отв. ред. В.А. Муравьев. М., 2001. С. 75–77.
- Лихачев Д.С.* Текстология. Краткий очерк. М., 2006. 175 с.
- Лихачев Н.П.* Государев родословец и Бархатная книга. СПб., 1901. 18 с.
- Лихачев Н.П.* «Государев родословец» и род Адашевых. СПб., 1897. 89 с.
- Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI в. Опыт исторического исследования. СПб., 1888. 754 с.
- Новые родословные книги XVI века / подгот. к печ. М.Е. Бычкова, З.И. Бочкарева // Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2. С. 3–186.
- Подгорбунских Н.А.* К вопросу о генезисе жанра семейных преданий // Зауральская генеалогия: сб. науч. тр. Курган, 2000. С. 171–187.
- Пудалов Б.М.* К вопросу о происхождении суздальских князей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 4 (18). С. 46–53.
- Репина Л.П.* Память и знание о прошлом в структуре идентичности // Диалог со временем. М., 2007. № 21. С. 5–21.
- Римский-Корсаков И.* Генеалогия явленной от Сотворения мира фамилии... Корсаков-Римских / сост. А.П. Богданов. М., 1994. 249 с.
- Рыков Ю.Д.* Малоизвестный рукописный синодик московского кремлевского Архангельского собора начала XVII в. с позднейшими дополнениями // Россия в X–XVIII вв. Проблемы истории и источниковедения. М., 1995. С. 497–505.
- Савелов Л.М.* Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте. М., 1908. 119 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1983. Вып. 10; М., 1988. Вып. 14.
- Соболева Н.А., Аксенов А.И.* Вспомогательные исторические дисциплины: современное состояние и структура взаимоотношений // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сб. ст. М., 1993. С. 220–234.
- Творогов О.В.* Археография и текстология древнерусской литературы: курс лекций. М.; СПб., 2009. 277 с.
- Усманов М.А.* Некоторые вопросы источниковедческой критики документальных памятников // О подлинности и достоверности исторического источника. Казань, 1991. С. 3–24.
- Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3.
- Хорошкевич А.Л.* Печати полоцких грамот XIV–XV вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. Т. 4. С. 128–146.

- Хоруженко О.И.* Плита Схоросмира: поминальный обычай в конструировании родовой памяти // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 219–240.
- Хоруженко О.И.* Родословие как конструкция родовой памяти: текстология родословных росписей князей Волконских XVI–XVII вв. // Диалог со временем. 2012. Вып. 41. С. 203–234.
- Шмидт С.О.* Материалы делопроизводства государственных учреждений // Источниковедение истории СССР: учебник / под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1973. С. 93–106.
- Шокарев С.Ю.* К проблеме исследования родословной потомков смоленских князей // Русский родословец: альманах. 2001. [Вып. 1.] С. 15–24.
- Щавелев А.С.* Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007. 270 с.
- Янин В.Л.* Возможности археологии в изучении древнего Новгорода // Вестник Академии наук СССР. 1973. № 8. С. 65–75.

REFERENCES

- Bespalov R.A. «Novoe potomstvo» knyazya Mikhaila Chernigovskogo po istochnikam XVI–XVII vekov (k postanovke problemy) // Problemy slavyanovedeniya: sb. nauch. st. i materialov. Bryansk, 2011. Vyp. 13. S. 63–97.
- Bychkova M.E. Legendy moskovskikh boyar. M., 1997. 51 s.
- Bychkova M.E. Obzor rodoslovnykh knig XVI–XVII vv. // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1966 god. M., 1968. S. 254–275.
- Bychkova M.E. Redaktsiya rodoslovnykh knig vtoroi poloviny XVI veka // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1962 god. M., 1963. S. 126–133.
- Bychkova M.E. Rodoslovnye knigi XVI–XVII vv. kak istoricheskii istochnik. M., 1975. 215 s.
- Bychkova M.E. Rodoslovnye knigi serediny XVI veka // Trudy MGIAI. M., 1961. T. 16. S. 475–480.
- Bychkova M.E., Smirnov M.I. Genealogiya v Rossii: istoriya i perspektivy. M., 2004. 280 s.
- Veselovskii S.B. Issledovaniya po istorii klassa sluzhilykh zemlevladel'tsev. M., 1969. 583 s.
- Genealogiya kak forma istoricheskoi pamyati. XIII Chteniya pamyati chl.-korr. AN SSSR V.T. Pashuto: materialy konf. Moskva, 11–13 apr. 2001 g. M., 2001. [Vyp. XIII]: Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. S. 104–122.
- Grishunin A.L. Issledovatel'skie aspekty tekstologii. M., 1998. 416 s.
- Erusalimskii K. Istoricheskaya pamyat' i sotsial'noe samosoznanie knyazya Andreyia Kurbskogo // Sotsium: al'manakh sotsial'noi istorii. Kiïv, 2005. Vip. 5. S. 225–248.
- Kamenskii A.B. Novye dannye o sud'be rodoslovnykh rospisei kontsa XVII v. // Genealogicheskie issledovaniya: sb. nauch. tr. M., 1993. S. 168–179.
- Kashtanov S.M. Russkaya diplomatika: ucheb. posobie. M., 1988. 231 s.
- Knyazya A.M. Kurbskogo istoriya o velikom knyaze Moskovskom: (izvlecheno iz «Sochinenii knyazya Kurbskago»). SPb., 1913. 8 s., 194 stb.
- Kopanev A.I. Istoriya zemlevladieniya Belozerskogo kraia XV–XVI vv. M.; L., 1951. 255 s.
- Kotlyar N.F. Ustnye istochniki Galitsko-Volynskoi letopisi // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. SPb., 2006. T. 57. S. 103–111.
- Kuz'min A.V. K istorii moskovskogo boyarstva kontsa XIV – nachala XVI v.: samosoznanie i «pamyat'» // Istoricheskaya antropologiya: mesto v sisteme sotsial'nykh nauk, istochniki i metody interpretatsii: tez. dokl. i soobshch. nauch. konf. / otv. red. O.M. Medushevskaya. M., 1998. S. 141–143.

- Kuz'min A.V. Knyaz'ya Mozhaiska i sud'ba ikh vladenii v XIII–XIV v. Iz istorii smolenskoi zemli // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2004. № 4 (18). S. 107–122.
- Kuz'min A.V. Kreshchenye tatory na sluzhbe v Moskve: k istorii Telebuginykh i Myachkovykh v XIV – pervoi polovine XV veka // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2002. № 3 (9). S. 5–23.
- Kuz'min A.V. Proiskhozhdenie i evolyutsiya rodovoi pamyati staromoskovskoi boyarskoi familii Serkizovykh i Starkovykh po dannym rodoslovnykh knig XVI–XVII vv. // *Pamyati* [M. P.] Lukicheva: sb. st. po istorii i istochnikovedeniyu / red.-sost. Yu.M. Eskin. M., 2006. S. 752–764.
- Kuz'min A.V. Titulovannaya i netitulovannaya znat' Severo-Vostochnoi Rusi XIII – pervoi chetverti XV veka: dis... kand. ist. nauk. M., 2013.
- Kuz'min A.V. Evolyutsiya rodoslovnoi «pamyati» boyarstva Tveri: (rod Borisovykh-Borozdinykh) // *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny: spetsial'nye funktsii i gumanitarnye perspektivy: tez. dokl. i soobshch. XIII nauch. konf. / otv. red. V.A. Murav'ev. M., 2001. S. 75–77.*
- Likhachev D.S. *Tekstologiya*. Kratkii ocherk. M., 2006. 175 s.
- Likhachev N.P. *Gosudarev rodoslovet* i *Barkhatnaya kniga*. SPb., 1901. 18 s.
- Likhachev N.P. «Gosudarev rodoslovet» i rod Adashevykh. SPb., 1897. 89 s.
- Likhachev N.P. *Razryadnye d'yaki XVI v. Opyt istoricheskogo issledovaniya*. SPb., 1888. 754 s.
- Novye rodoslovnye knigi XVI veka / podgot. k pech. M.E. Bychkova, Z.I. Bochkareva // *Redkie istochniki po istorii Rossii*. M., 1977. Vyp. 2. S. 3–186.
- Podgorbunskikh N.A. K voprosu o genezise zhanra semeinykh predanii // *Zaural'skaya genealogiya: sb. nauch. tr. Kurgan, 2000. S. 171–187.*
- Pudalov B.M. K voprosu o proiskhozhdenii suzdal'skikh knyazei // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2004. № 4 (18). S. 46–53.
- Repina L.P. *Pamyat' i znanie o proshlom v strukture identichnosti* // *Dialog so vremenem*. M., 2007. № 21. S. 5–21.
- Rimskii-Korsakov I. *Genealogia yavlennoi ot Sotvoreniya mira familii... Korsakov-Rimskikh* / sost. A.P. Bogdanov. M., 1994. 249 s.
- Rykov Yu.D. *Maloizvestnyi rukopisnyi sinodik moskovskogo kremlevskogo Arkhangel'skogo sobora nachala KhVII v. s pozdneishimi dopolneniyami* // *Rossiya v X–XVIII vv. Problemy istorii i istochnikovedeniya*. M., 1995. S. 497–505.
- Savelov L.M. *Lektsii po russkoi genealogii, chitannye v Moskovskom arkheologicheskome institute*. M., 1908. 119 s.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* M., 1983. Vyp. 10; M., 1988. Vyp. 14.
- Soboleva N.A., Aksenov A.I. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny: sovremennoe sostoyanie i struktura vzaimootnoshenii* // *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii (do 1917 g.)*: sb. st. M., 1993. S. 220–234.
- Tvorogov O.V. *Arkheografiya i tekstologiya drevnerusskoi literatury: kurs lektsii*. M.; SPb., 2009. 277 s.
- Usmanov M.A. *Nekotorye voprosy istochnikovedcheskoi kritiki dokumental'nykh pamyatnikov* // *O podlinnosti i dostovernosti istoricheskogo istochnika*. Kazan', 1991. S. 3–24.
- Khal'bvaks M. *Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'* // *Neprikosnovennyi zapas*. 2005. № 2–3.
- Khoroshkevich A.L. *Pechati polotskikh gramot XIV–KhV vv.* // *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. L., 1972. T. 4. S. 128–146.

- Khoruzhenko O.I. Plita Skhorosmira: pominal'nyi obychai v konstruirovanii ro-dovoi pamyati // Dialog so vremenem. 2014. Vyp. 46. S. 219–240.
- Khoruzhenko O.I. Rodoslovie kak konstruktivnaya rodovoi pamyati: tekstologiya rodoslovnnykh rospisei knyazei Volkonskikh XVI–XVII vv. // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 41. S. 203–234.
- Shmidt S.O. Materialy deloproizvodstva gosudarstvennykh uchrezhdenii // Istochnikovedenie istorii SSSR: uchebnyk / pod red. I.D. Koval'chenko. M., 1973. S. 93–106.
- Shokarev S.Yu. K probleme issledovaniya rodoslovnoi potomkov smolenskikh knyazei // Russkii rodoslovet: al'manakh. 2001. [Vyp. 1.] S. 15–24.
- Shchhavelev A.S. Slavyanskie legendy o pervykh knyaz'yakh. Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie modelei vlasti u slavyan. M., 2007. 270 s.
- Yanin V.L. Vozmozhnosti arkheologii v izuchenii drevnego Novgoroda // Vestnik Akademii nauk SSSR. 1973. № 8. S. 65–75.

Хоруженко Олег Игоревич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН; khoruzhenko1@yandex.ru

Descent Lists in Ancestral Memory Studies

In this article, the author analyses the interpretations of ancestral memory in the publications of Russian genealogists in the late 19th and early 21st centuries, their methods of acquiring information from descent lists, which were based on oral tradition.

Keywords: ancestral memory, descent lists, textual analysis, genealogy.

Oleg Khoruzhenko, PhD, Senior Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; khoruzhenko1@yandex.ru.